

Е. А. Салей

ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ
ЧАСТНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ
ДОКТРИНАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Появление статьи «Применение императивных норм» (ст. 1100) в разделе «Международное частное право» Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. [1] (далее - ГК) соответствовало общей тенденции в развитии доктринальных положений международного частного права о наличии материальных норм страны суда, действующих

независимо от коллизионных правил, на основе которых в качестве применимого определено право иностранного государства, а также ограничивающих применение последнего. В свое время в связи со вступлением в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) [2] в российской литературе применительно к институту императивных норм, закрепленных в разделе «Международное частное право», было отмечено, что нормы данного института следует считать одними из самых инновационных в правовом регулировании международных частноправовых отношений [3, с. 81]. Данную оценку в полной мере можно отнести и к характеристике соответствующих норм в законодательстве Республики Беларусь, поскольку легально был закреплен новый подход в регулировании частноправовых отношений, допускающий приоритет частноправовых норм национального законодательства над коллизионными нормами. Вместе с тем в свете Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 г. № 136 [4], данные нормы подлежат критической оценке и переосмыслению, взвешенному внедрению во внутреннее законодательство с целью обеспечения создания конкурентоспособной на мировом рынке, социально ориентированной экономики Республики Беларусь, обеспечивающей устойчивое социально-экономическое развитие страны.

Согласно п. 1 ст. 1100 ГК правила раздела «Международное частное право» не затрагивают действия императивных норм права Республики Беларусь, регулирующих соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права, а соответственно, предписывается применять белорусские императивные нормы независимо от того, что в качестве применимого на основании соответствующих коллизионных норм или в допускаемых законодательством случаях соглашения сторон избрано право иностранного государства. Предложенная белорусским законодателем формулировка с учетом доктринальных положений и практики применения аналогичных по постановке вопроса (но не по содержанию) норм отдельных иностранных государств порождает как минимум два взаимосвязанных между собой блока вопросов: во-первых, каков круг императивных норм, действие которых ограничивает или устраняет действие норм избранного в качестве применимого иностранного права; во-вторых, каково взаимоотношение императивных норм, ограничивающих применение

норм иностранного права и «публичного порядка» в контексте ст. 1099 ГК «Оговорка о публичном порядке».

Норма, содержащаяся в п. 1 ст. 1100 ГК, позволяет самую широкую трактовку понятия «императивная норма», поскольку не содержит никаких оговорок или ограничений. Вместе с тем это не соответствует доктрине международного частного права, разграничивающей, так называемые «обычные», «простые» императивные нормы и «сверхимперативные», «особо императивные», «строго императивные» нормы, нормы особого назначения (в специальной литературе применяется различная терминология). Как определяет профессор М. М. Богуславский, нормы, относящиеся к категории сверхимперативных, подлежат применению к правоотношению независимо от того, какое право призвано регулировать отношения сторон. Устранить их применение не могут ни соглашение сторон о выборе права, ни коллизионные нормы страны суда [5, с. 111].

Современное законодательство иностранных государств, по общему правилу, придерживается такого подхода, вместе с тем предлагает различные решения для выделения императивных норм, ограничивающих применение иностранного права. Одни государства в общих нормах о применении строго императивных норм не предлагают критериев для их выделения. К таковым, в частности, как показано выше, относится Республика Беларусь, которая, следуя рекомендациям, содержащимся в Модельном Гражданском кодексе для государств - участников СНГ, буквально воспроизводит норму п. 1 ст. 1201 названного кодекса, согласно которой «правила настоящего раздела не затрагивают действия императивных норм права <...>, регулирующих соответствующие отношения, независимо от подлежащего применению права» [6]. Аналогичен по содержанию п. 1 ст. 14 Закона Украины от 23 июня 2005 г. «О международном частном праве» [7]. В законодательстве других государств предлагается некий общий критерий отнесения норм к безусловно императивным. Так, согласно ГК РФ (п. 1 ст. 1192) для определения круга императивных норм, действие которых не может быть устранено, даже если в качестве применимого определено право иностранного государства, помимо прямого, непосредственного указания на применение нормы независимо от подлежащего применению права, выделяется такой критерий, как особое значение императивных норм, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота. Подобное ограничение круга императивных норм

закреплено в Законе Швейцарии о международном частном праве 1987 г. [8], согласно которому сохраняется действие тех положений швейцарского права, которые подлежат применению в силу их особых целей (ст. 18). Иные государства, не уточняя критериев и не определяя особого принципиального значения, как это сделано в вышеприведенных примерах, ограничивают круг норм национального права, которые императивно регулируют соответствующие отношения без учета права, подлежащего применению, только сферой договорных обязательств (например, Вводный закон к Гражданскому уложению Германии, ст. 34 [9]). Предлагая определенную классификацию и приводя соответствующие примеры, следует при этом отметить, что наиболее существенную роль в развитии законодательства отдельных государств в сфере международного частного права в исследуемом аспекте сыграла разработка и подписание в рамках Европейского экономического сообщества Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам (Рим, 19 июня 1980 г.), в которой содержится целый ряд статей об императивных нормах, базовой из которых является ст. 7 «Императивные нормы», в п. 2 которой закреплено, что «правила настоящей Конвенции не затрагивают действия тех норм страны суда, которые применяются независимо от подлежащего применению права». О. Н. Садиков замечает, что начало восприятию положений Конвенции об императивных нормах положило именно законодательство ФРГ (которое, как видим, более буквально восприняло соответствующие положения - *прим. авт.*) и Швейцарии (воспринявшей такие положения расширительно - *прим. авт.*) [10, с. 77].

Вопрос о соотношении императивных норм и публичного порядка является неоднозначным [10, с. 73; 11, с. 329; 12, с. 189-190; 13, с. 124; 14; 15, с. 19; 16, с. 195]. Наиболее распространенной в современной литературе можно признать позицию, согласно которой институт императивных норм является самостоятельным (что подтверждает и современное законодательство многих государств, в том числе и Республики Беларусь), при этом проистекает из концепции позитивного публичного порядка. Суть данной концепции, цитируя проф. Г. К. Дмитриеву, означает, что некоторые императивные нормы внутреннего права, в силу их особой значимости, должны применяться в любых обстоятельствах [12, с. 190] в противовес негативной концепции публичного порядка, которая означает, что некоторые нормы иностранного права настолько несовместимы с внутренним правопорядком, что не должны применяться при любых обстоятельствах. По-

ссылка о производном характере института императивных норм важна, с нашей точки зрения, прежде всего для определения критериев отнесения императивных норм к сверхимперативным.

Соглашаясь с тем, что нет оснований для расширительного толкования понятия «основы правопорядка» (как основополагающие принципы внутреннего права, общепризнанные принципы международного права и общепринятые принципы морали), а соответственно, и оговорки о публичном порядке, подчеркнем, что не всякая императивная норма есть ограничение применения иностранного права. Сама природа таких норм, как подчеркивает В. В. Кудашкин, не обуславливает широкую сферу их применения [13, с. 41]. В. П. Звеков, предлагая краткую характеристику сверхимперативных норм, определяет их правовую природу как «пограничье» частного и публичного права: нормы частного права, являющиеся продолжением публично-правовых начал; нормы публичного права, воздействующие на частноправовые отношения [15, с. 201; 17, с. 205-206]. С нашей точки зрения, проблема применения императивных норм в контексте ст. 1100 ГК связана исключительно с регулированием частноправовых отношений и соответственно с императивными нормами частного права (прежде всего гражданского). Императивность норм публичного права (административного, налогового и т. д.) и обязательность их применения на территории соответствующего государства в литературе не оспаривается, но и применение их со ссылкой на п. 1 ст. 1100 ГК является необоснованным, поскольку регулирование нормами частного права (коими являются нормы ГК) не может вмешиваться в сферу публично-правового регулирования. В данном контексте некорректным, по нашему мнению, является обоснование невозможности освобождения резидента Республики Беларусь от ответственности за несоблюдение публично-правовых норм таможенного и налогового законодательства со ссылкой на ст. 1100 ГК [18]. И напротив, допускается проникновение публично-правовых начал в частное право. Согласно ст. 2 ГК допускается государственное вмешательство в частные дела в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Данный общий подход находит свое отражение и в специальном законодательстве, в частности, в Законе Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» [19]. Согласно ст. 4 названного Закона государственное регулирование внешнеторговой деятельности в Рес-

публике Беларусь осуществляется на основании принципа невмешательства в частные дела при осуществлении внешнеэкономической деятельности, за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании правовых норм в интересах национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья населения, защиты нравственности, прав и свобод других лиц.

Попытки определения круга сверхимперативных норм неоднократно предпринимались в специальной литературе. В. В. Кудашкин, в частности, в качестве основы для определения сфер правового регулирования сверхимперативными нормами предлагает «выявление сфер действия общих дозволений и *запретов*, обуславливающих характер и порядок правового регулирования возникающих в них правоотношений» [13, с. 257] и демонстрирует это на примере анализа законодательства Российской Федерации о военно-техническом сотрудничестве. Я. И. Функ, анализируя конструкцию внешнеэкономического договора в праве Республики Беларусь, обращает внимание на то, что «внешнеэкономический договор должен подчиняться императивным гражданско-правовым нормам, т. е. при совершении такого договора должны соблюдаться *запреты и ограничения*, содержащиеся в актах, регламентирующих имущественные (частноправовые) отношения» [20]. Определение круга сверхимперативных норм путем непосредственного выявления (обозначения) сфер правового регулирования предпринимались многими авторами, в том числе В. П. Звековым, О. Н. Толочко и др. Вместе с тем они носят весьма неоднозначный, а порой даже противоречивый характер. Так, одни авторы к числу таковых относят нормы об исковой давности [10, с. 79; 21, с. 47]. Другие, напротив, нормы об исковой давности приводят в качестве примера для разграничения обычных императивных и сверхимперативных норм [3, с. 81-82; 22]. Или другой пример. К сфере регулирования сверхимперативными нормами зачастую относят вопросы защиты прав потребителей как имеющие особое значение для обеспечения прав и интересов участников гражданского оборота - потребителей. В законодательстве отдельных государств имеются прямые основания к такому утверждению. Так, в соответствии с п. 1 ст. 1212 ГК РФ к договорам с участием потребителя выбор права, подлежащего применению к такому договору, не может повлечь за собой лишение физического лица (потребителя) защиты его прав, предоставляемых императивными нормами права страны места жительства потребителя, если имело место хотя бы одно из следующих обстоятельств: 1) заклю-

чению договора предшествовала в этой стране оферта, адресованная потребителю, или реклама, и потребитель совершил в этой же стране действия, необходимые для заключения договора; 2) контрагент потребителя или представитель контрагента получил заказ потребителя в этой стране; 3) заказ на приобретение движимых вещей, выполнение работ или оказание услуг сделан потребителем в другой стране, посещение которой было инициировано контрагентом потребителя в целях побуждения потребителя к заключению договора. Не ограничивая круг потребителей только физическими лицами, весьма схожие положения закреплены в п. 2 ст. 45 Закона Украины «О международном частном праве». В разделе «Международное частное право» ГК Республики Беларусь подобных норм на этот счет не содержится. Правила об ответственности за ущерб, причиненный потребителю, закреплены в параграфе 6 «Внедоговорные обязательства» и сформулированы в виде классической сложной коллизионной нормы с альтернативными привязками (согласно ст. ИЗО ГК право выбора применимого права из предложенных законодателем вариантов принадлежит потребителю). Из закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. «О защите прав потребителей» [23] также не вытекает, что в случае рассмотрения соответствующего спора в белорусском суде его нормы должны применяться независимо от избранного в установленном порядке применимого права иностранного государства. Расширение круга ответственных перед потребителем за качество товара лиц за счет импортеров (поставщиков), предусмотренное новой редакцией Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» от 8 июля 2008 г. [24], без всякого сомнения, усиливает степень защищенности прав потребителя, но вместе с тем не снимает вопроса об оценке соответствующих норм с точки зрения их императивности и порядка применения в рамках проблематики международного частного права. С нашей точки зрения, с учетом обеспечения гражданских прав наиболее уязвимой, слабой стороны в договоре и широкой сферы распространения соответствующих отношений, а соответственно, обеспечения особо значимых общественных интересов нормы законодательства о защите прав потребителей должны применяться судом как императивные в контексте п. 1 ст. 1100 ГК, в случае, если такие нормы в большей степени отвечают интересам потребителя, чем соответствующие нормы избранного в качестве компетентного правопорядка иностранного права. Подобная точка зрения уже высказывалась в белорусской литературе применительно к анализу проблематики при-

менения норм иностранного права судами Республики Беларусь [21, с. 48]. Вместе с тем следует признать, что она непротиворечива с позиции буквального восприятия, толкования нормы, содержащейся в п. 1 ст. 1100 ГК, поскольку речь идет о применении императивных норм права Республики Беларусь *независимо* от подлежащего применению права. Законодательная регламентация независимого характера сверхимперативных материальных норм внутреннего законодательства приводит к отраженному в литературе выводу о том, что «сверх-императивные нормы исключают саму постановку коллизионного вопроса» [25, с. 49], «применение сверхимперативной нормы (нормы непосредственного применения) устраняет применение коллизионной нормы» [16, с. 201]. Данная точка зрения в специальной литературе имеет широкое распространение и императивные нормы в таком контексте именуют как нормы прямого или непосредственного действия. В. В. Кудашкин при этом подчеркивает, что материально-правовые нормы, регулирующие конкретные отношения, должны рассматриваться как специальные, так как они регулируют конкретные международные частные отношения и, соответственно, должны обладать приоритетом над другими нормами внутригосударственного права, в том числе коллизионными. Законодатель специально установил материально-правовую норму прямого действия, в которой реализуется государственный интерес [13, с. 254, 248]. Предложение относительно условного отнесения норм о защите прав потребителей к категории сверхимперативных сохраняет двухступенчатое регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом и предполагает субъективную сравнительную оценку правоприменителя (судьи). В связи с изложенным автор сознательно не использует применительно к императивным нормам в международном частном праве категорию «нормы прямого действия» и допускает расширительную трактовку термина «независимо» в п. 1 ст. 1100 ГК.

Прямое указание в самой норме на обязательность ее применения (на строго императивный характер) или формулирование нормы, позволяющее посредством толкования установить ее абсолютно императивный характер, соответственно снимает или в значительной степени упрощает проблему оценки ее императивности, но *только для отдельных случаев*. Такой подход нашел отражение и в белорусском законодательстве. В частности, в соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 июля 2000 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [26] к отношениям, регулируемым настоящим Зако-

ном, в которых участвуют иностранные лица в качестве кредиторов, применяются положения настоящего Закона, если иное не предусмотрено международным договором Республики Беларусь (п. 2 ст. 3). Закон Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле» [27] в ст. 2 определяет, что порядок обращения валютных ценностей, права и обязанности нерезидентов при проведении валютных операций устанавливаются валютным законодательством Республики Беларусь. В целом же определение круга императивных норм путем прямых законодательных установок практически неосуществимо и возможно только посредством субъективной оценки той или иной императивной материальной нормы внутреннего законодательства, которая должна основываться на законодательно закрепленных критериях оценки ее строгой императивности.

Комплексный анализ действующего белорусского законодательства свидетельствует о том, что прямое или опосредованное указание на строго императивный характер норм имеет место в случаях, имеющих особое значение для обеспечения национальной безопасности (прежде всего в сфере экономики) и не ограничивается только сферой договорных обязательств. Применение же императивных норм в иных случаях со ссылкой на п. 1 ст. 1100 ГК в настоящее время отчетливо прослеживается применительно к сфере внешнеэкономических сделок (в частности, п. 1.1 Указа Президента Республики Беларусь от 7 марта 2000 г. № 117 «О некоторых мерах по упорядочению посреднической деятельности при продаже товаров» [28], п. 2.2 Указа Президента Республики Беларусь от 4 января 2000 г. № 7 «О совершенствовании порядка проведения и контроля внешнеторговых операций» [29], п. 1.1 Указа Президента Республики Беларусь от 15 августа 2005 г. № 373 «О некоторых вопросах заключения договоров и исполнения обязательств на территории Республики Беларусь» [30]).

В целом анализ специальной литературы и законодательства подтверждает, что *с учетом специфики того или иного государства* теоретически возможно очертить круг императивных норм, подлежащих применению независимо от применимого иностранного права, а соответственно, и закрепить законодательно, но только в *рекомендательной форме* в виде открытого перечня и на уровне подзаконных нормативных правовых актов (в частности, на уровне постановлений Пленума Высшего Хозяйственного Суда и Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, являющихся нормативными правовыми актами в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 г.

«О нормативных правовых актах» [31]). Закрепление такого перечня на уровне законодательных актов, в частности ГК (такие предложения имели и имеют место - *прим. авт.* [21, с. 45—46, 48; 16, с. 201]), вряд ли целесообразно, более того - осуществимо с позиции оптимизации определения сфер правового регулирования сверхимперативными нормами и степени устойчивости соответствующего перечня. Следует подчеркнуть, что конкретизация круга императивных норм и предел их применения, на что неоднократно указывалось и в специальной литературе, могут быть осуществлены только путем многолетней практики применения этих норм. Немногочисленная практика применения п. 1 ст. 1100 ГК в Республике Беларусь свидетельствует о том, что судьи придерживаются не нашедшей непосредственного отражения в законодательстве концепции императивных норм особого значения. Вместе с тем обоснование применения материальной нормы внутреннего права при определении в качестве применимого права иностранного государства зачастую опирается на общую констатацию ее императивности [32], что может привести к необоснованному ограничению избранного в качестве применимого иностранного права. Таким образом, применение императивных материальных норм национального права, ограничивающих применение избранного в качестве применимого иностранного права, не исчерпывается отдельными случаями, прямо или опосредованно предусмотренными в специальном законодательстве Республики Беларусь. Применение императивной нормы вне зависимости от определения в качестве применимого права иностранного государства может определяться судом при ее толковании. В целях практической реализации данного положения в действующее законодательство следует внести определенные изменения и дополнения. А именно: поскольку в смысле п. 1 ст. 1100 ГК Беларуси речь идет о тех императивных нормах, которые направлены на достижение и обеспечение особого общественно значимого интереса, это должно найти отражение в вышеназванной статье ГК через указание на особое значение соответствующих норм для белорусского общества, прежде всего для обеспечения национальной безопасности, в том числе в экономической сфере, обеспечения прав и защиты интересов участников гражданского оборота. Кроме того, с учетом положения о том, что, являясь составной частью закона страны суда (*lex fori*), судья при рассмотрении спора обязан применить соответствующие императивные нормы, предварительно дав оценку на предмет их императивности с точки зрения особой значимости для

обеспечения общественных интересов и национальной (экономической) безопасности. Данные рекомендации относительно применения п. 1 ст. 1100 ГК целесообразно закрепить в разделе VII «Применимое право при рассмотрении споров по внешнеэкономическим сделкам» постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 2 декабря 2005 г. № 31 «О практике рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц».

Список использованных источников

1. Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. - 1999. - № 7-9. - Ст. 101; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2000. - № 69. - 2/190; 2001. - № 46. - 2/750; 2002. - № 7. - 2/828; № 62. - 2/853; № 75. - 2/862; № 84. - 2/877; № 128. - 2/897; 2003. - № 8. - 2/932; № 74. - 2/960; 2004. - № 4. - 2/1016; № 137. - 2/1065; 2005. - № 73. - 2/1106; № 122. - 2/1141; 2006. - № 6. - 2/1173; № 18. - 2/1196; № 78. - 2/1212; № 106. - 2/1234; № 107. - 2/1235; № 114. - 2/1247; № 122. - 2/1257; № 122. - 2/1259; 2007. - № 4. - 2/1290; № 118. - 2/1309; № 132. - 2/1330; № 199. - 2/1375.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 3: Федеральный закон Рос. Федерации, 26 ноября 2001 г., № 146-ФЗ // КонсультантПлюс: Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». - Минск, 2008.
3. *Новикова, О. В.* Императивные нормы в международном частном праве / О. В. Новикова // Государство и право. - 2006. - № 8. - С. 81-89.
4. О государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2007-2010 гг.: Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007 г. № 136 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2007. - № 79. - 1/8435.
5. *Богуславский, М. М.* Международное частное право / М. М. Богуславский. - М. : Юрист, 2004. - 604 с.
6. О Модельном Гражданском кодексе для государств - участников Содружества Независимых Государств. Ч. 3: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. № 7-4 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств. - 1996. - № 10.
7. ВшомостТ Верховно! Ради. - 2005. - № 32. - Ст. 422.
8. Bundesgesetz iiber das Internationale Privatrecht vom 18 Dezember 1987 // www.admin.ch/ch/d/sr/291/index.html
9. Гражданское уложение Германии: ввод, закон к Гражданскому уложению: пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]; науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. - М. : Волтерс Клувер, 2006. - 816 с.
10. *Садиков, О. Н.* Императивные нормы в международном частном праве / О. Н. Садиков // Моск. журнал международного права. - 1992. - № 2. - С. 71-84.

- XX. *Лунц, Л. А.* Курс международного частного права. Общая часть / Л. А. Лунц. - М. : Юрич. лит., 1973. - 384 с.
12. Международное частное право: учебник / Л. П. Ануфриева и [др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева. - М. : ТК «Велби»: Изд-во «Проспект», 2004. - 688 с.
13. *Кудашкин, В. В.* Правовое регулирование международных частных отношений / В. В. Кудашкин. - СПб. : Юрич. центр Пресс, 2004. - 376 с.
14. *Кудашкин, В. В.* Актуальные вопросы международного частного права / В. В. Кудашкин. - М. : Волтерс Клувер, 2004. - 50 с.
15. *Галимуллина, С. К.* Применение иностранного права в международном частном праве: теория, законодательство и судебная практика Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. К. Галимуллина. - Казань, 2006. - 31 с.
16. *Звеков, В. П.* Международное частное право: учебник / В. П. Звеков. - М. : Юрист, 2004. - 703 с.
17. *Звеков, В. П.* Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Звеков. - М. : Волтерс Клувер, 2007. - 416 с.
18. *Томкович, Р.* Особенности заключения внешнеэкономического договора / Р. Томкович // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». - Минск, 2007. - Дата доступа: 04.12.2007 г.
19. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2004. - № 193.-2/1096.
20. *Функ, Я.* Внешнеторговый договор в праве Республики Беларусь / Я. Функ // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». - Минск, 2007. - Дата доступа: 04.12.2007 г.
21. *Толочко, О.* Порядок и пределы применения норм иностранного права судами Республики Беларусь: проблемы совершенствования законодательства / О. Толочко // Юстиция Беларуси. - 2007. - № 4. - С. 45-48.
22. *Колбасов, Р. А.* Исковая давность: приоритет международного права над национальным законодательством / Р. А. Колбасов // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. - 2005. - № 15. - С. 15-18.
23. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2002. - № 10. - 2/839; 2003. - № 8. - 2/932; 2006. - № 107.- 2/1235; № 122. - 2/1259.
24. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2008. - № 170.-2/1463.
25. *Елисеев, И. В.* Гражданско-правовое регулирование международной купли-продажи товаров / И. В. Елисеев. - СПб. : Юрич. центр Пресс, 2002. - 234 с.
26. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2000. - № 73. - 2/198; 2003. - № 8. - 2/932; 2006. - № 107. - 2/1235; 2007. - № 170. -2/1348.
27. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2003. - № 85. - 2/978; 2006. - № 107. - 2/1235.
28. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2000. - № 26. - 1/1075; 2002. - №21. - 1/3497; № 43. - 1/3612; № 100. - 1/4004; 2007. - №83.- 1/8471.'

29. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2000. - №5. - 1/915; 2001. - №58. - 1/2737; № 118. - 1/3313; 2003. - № 67. - 1/4677; 2006. - № 150. - 1/7934; 2007. - № 83. - 1/8471; № 277. - 1/9106.

30. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2005. - № 128. - 1/6698; 2006. - № 141. - 1/7849.

31. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. - 2000. - №7.- 2/136; 2002. - № 7.-2/830; № 175.-2/1070; 2004. - №175. -2/1070; 2005. - № 179.- 2/1152; 2006. - № 86.-2/1216; № 107.-2/1235; 2007. - № 118. -2/1309.

32. Решение Хозяйственного суда Витебской области, 11 апр. 2003 г.; Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате, 30 нояб. 2004 г., № 416/57-03 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». - Минск, 2007.